

Труд — 1989 — 25 лет
Елена Камбуrowa:

ПЕСНЯ — ПАРУС

Ее манеру, интонацию, образ мысли не спутаешь с другими. Если эстрада — это праздник индивидуальности, то благодаря Елене Камбуrowой праздник расцветается новыми красками и запоминается на долгие годы. Тысячи раз слышанные песни становятся в ее исполнении откровением. Запетый «Шумел камыш» звучит торжественной и светлой притчей. Она выводит «Слезы горячие наши лягут росой на луга» — и ты физически ощущаешь свежесть утра. Всякий раз, когда слышу, как Камбуrowa поет окуджавское «Господи, мой Боже, зеленоглазый мой» или «Парус», или «Ямщик, не гони лошадей», — поражаюсь пронзительной ее нежности и грусти, богатству настроений и оттенков, которые способен передать ее голос...

Маленькая, хрупкая женщина несет с подмостков удивительно сильный заряд добра и искренности. И так все 25 лет, которые Камбуrowa в эфире и на эстраде. Способность певицы к перевоплощению мы оценили в полной мере, посмотрев недавно телефильм «Мой театр». Грозный царь и боярин, мальчишка-звонарь и Петрушка, купчиха и... — десятки персонажей, несхожих характером и обликом, предстали перед нами в этой работе актрисы. С театра и начался наш разговор...

— Лена, недавно было сообщение, что вопрос о театре Камбуrowой решен. Когда можно прийти на спектакль? И куда?

— Если б знать... Решение Главного управления культуры Мосгорисполкома действительно есть. Но по сей день не сделано ровным счетом ничего, чтобы его реализовать. Главное, нет крыши. Так привычно у нас рассматривать актера с точки зрения финансовой: соберет он внушительную кассу или не соберет? И естественно, шумные группы и ансамбли, работающие на переполненных стадионах, экономически выгоднее. А от скромного коллектива — меня, пианиста Олега Синкина и гитариста Александра Виноцкого — много ли дохода?

Нам не нужно большое помещение: камерному искусству оно просто противопоказано. Хотя, подумайте, сложно ли переоборудовать один из нерентабельных небольших кинотеатров Москвы для театра, в котором хорошо себя чувствовал бы и наш коллектив, и зритель?

Я совершенно убеждена, что один поэтический вечер несравненно ценнее десятков концертов молодежных групп, не обременяющих себя заботами о содержании песни. Современную молодежь не случайно называют «потерянным поколением». Оно потеряно также и для серьезной музыки, и для серьезного искусства. Сегодня впору кричать «SOS!» — столь заметно духовное одичание общества.

Актеру приходится выстаивать не только в бесконечных очередях в магазинах, но и на прием к тем людям, которые решают его творческую судьбу. Парадокс: не его спрашивают, что ему необходимо для хорошего творческого самочувствия, а он пытается доказать в различных инстанциях, что ему нужно петь те, а не иные сочинения. Сколько раз я вынуждена была убеждать, что «Орленок» — вовсе не криминал и не упадническая песня. От других приходилось выслушивать, что «Белеет парус одинокий» звучит как призыв к отъезжающим «за пределы» и его следует исключить из репертуара. Как было доказать чиновнику, что для нормального человека «Парус» — это чистый глоток романтики в наш век меркантильности и потребительства? Вдуматься: сколько в этих очередях за правом быть самим собой уворовано бесценного времени — употребить бы его на работу!

Сейчас времена иные, и очередей поменьше, и цензура не сурова. Но ведь вкусы филармонических работников вмиг не меняются...

— Каким вы представляете свой театр?

— Камерный эстрадный с совершенно определенной эстетикой. Я бы приглашала сюда моих единомышленников — музыкантов, чтецов. Здесь могли бы выступать ансамбль Покровского и хор Минина, Юлий Ким и Булат Окуджава, Манана Менабде и Тамара Гвердцители, Елена Сапогова и Татьяна Синецкая, чтецы Рафаил Клейнер и Анна Смирнова. Горько сознавать, что высокая артистическая культура, представителями которой были Яхонтов и Журавлев, постепенно уходит с подмостков. У почитателей этого жанра нет своего зала, а поэзия Пушкина и Тютчева часто звучит в сборном концерте как случайный вставной эпизод, в обрамлении столь же случайных номеров.

Хотелось бы открывать малоизвестные имена, а афишу расписать на полгода вперед, чтобы знать, когда ты в Москве, а когда на гастролях. И зрителю не пришлось бы — почти вслепую искать, где выступает его любимый исполнитель. Нормальная реклама и поныне мечта для актера: мое недавнее выступление в ЦДСА, например, вообще состоялось без какого-либо анонсирования. Хорошо, что у меня сложилась постоянная аудитория и концерт не сорвался. А можно представить себе разочарование артиста, выступающего перед полупустым залом только потому, что кто-то не позаботился выполнить в срок свою обязанность.

— Вы заметили однажды, что актер — как капля росы: она должна терпеть и ждать (сколько сможет...), пока ее увидят, пока разглядят ее очарование. Для кого вы выходите на эстраду, кто ваши слушатели?

— Мне нужен мой зритель, без него я не могу жить. Без него исчезает тот магический квадрат сцены, куда я выхожу. Мои слушатели — те, кто мог бы стать моими друзьями. Кто чувствует, как я. Любит мои песни и понимает, почему я пою их

так, а не иначе. Мне очень важна эмоциональная связь с залом, и если человек не способен слушать сердцем, ему трудно меня услышать. Думаю, среди моих почитателей немало людей незащищенных, лишенных хватательных рефлексов. Возможно, таких, которым даже трудно достать билет на концерт, и они знают мои песни только по телевизору и радиоэфиру...

— Вас не огорчает, что один концерт безликого ансамбля, как две капли воды похожего на других, но зато привлекающего сразу тысячи молодых зрителей, может свести на нет ваши усилия?

— Я отдаю себе отчет в том, что масштаб моего влияния невелик: разве что один процент относительно аудитории какой-нибудь рок-группы. Противостоять натиску массовой культуры, калечащей вкусы и души, трудно. Но ведь нужно! Нельзя позволить, чтобы иссякли чистые ключи достоинства и любви. Так что считайте, что моя работа — это акт отчаяния. Ощущает же Валентина — героиня Вампилова — потребность упорно восстанавливать забор палисадника, который исправно сносят любители кратчайших дорог. В конце концов для чего-то я живу на этой земле...

Что касается рок-музыки, то я изучаю ее, стараюсь понять, что же происходит с нами в конце XX века. Иногда мне кажется странным, что мы еще разговариваем языком Пушкина. Музыкальная стихия выявляет, как безумен наш век, как неузнаваемо психологически, даже физиологически изменились люди. Я понимаю, о чем говорит эта музыка, и, как человек, протестую против нее. Иногда ловлю себя на том, что хорошо бы спеть то же самое, но вложить в это душевную интонацию. За редким исключением — «Пинк фloyd», например, — рок-культуру, которую так усердно и целеустремленно пропагандирует наше телевидение, правильнее было бы назвать, по-моему, антикультурой. Она «асфальтирует» души, и внешне, и внутренне противоречит подлинной культуре, уничтожает ее. Какой гигантский труд — пытаться потом вспороть этот асфальт, распахать его и посеять семена хорошего вкуса, мелодии и поэзии!

— Как бы вы определили главную тему своего творчества?

— Объединение людей. Каждый из нас может оказаться в одиночестве. Но надо подавать человеку, даже если он в пустыне, знаки, куда идти, где искать выход. Напоминать ему, что духовные искания и прозрения в конце концов и есть его предназначение и его путь.

— Лена, откройте все-таки секрет, как вам удалось сохранить свою индивидуальность, остаться самой собой?

— Я просто не раздваивалась: вот это для себя, это для «моей» публики, а это для кого-то еще. Раз навсегда поняла, что есть вещи несовместимые. Я живу в поэтическом климате и не собираюсь его покидать. Мне показывают много песен, но если не чувствую в них драгоценной щемящей интонации души, отказываюсь.

Я постоянно работаю с композиторами Дашкевичем, Критской, Таривердиевым, Шварцем, Никитиным. А не так давно в Баку архитектор Александр Барьюдин познакомил меня со своими песнями на слова Ахмадулиной и Матвеевой. Я уже пою их. У Блока, Цветаевой, Ахматовой, Самойловой, Тувима такая бездна того, что созвучно времени и душе! Достало бы сил и умения донести это до людей! Мне часто кажется, что я переписываю и переписываю черновики, добываясь чистоты и прозрачности. Я все еще приближаюсь к тому, что можно было бы назвать Истиной...

Беседу вела

Л. АКОПОВА.

МОСКВА.